

Piotr Czerwiński
Uniwersytet Śląski w Katowicach

ТЕЩА ПРО ЗЯТЯ... (К УКРЫТОЙ СЕМАНТИКЕ РОДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ)

***A Mother-In-Law on Her Son-In-Law...* (The Problem of Hidden Semantics of the Family Relations)**

ABSTRACT: A famous Russian folk song, proverbs and sayings about a mother-in-law and son-in-law are the key elements of the analysis of the relations between a son-in-law (a younger member of the male family) and a mother-in-law (an older member of the female family). This analysis is also based on the etymological data and the author tries to answer the question: *what is the hidden relation between the two families the members of whom are married?* Many papers have been written on that matter. This article describes this relation as a gradual process of building the indirect connection between the mother-in-law and son-in-law. This is a symmetric/asymmetric relation which only seems to be mutually linked and tied. The emerged and shaped relation attitude direction – from mother-in-law to son-in-law – is presented here as the act of attracting and repelling. By means of fulfilment and satisfaction it implies the necessity of the adaption but not subordination as well as the hidden favour of the unlimited reproductive power. On the other hand i.e. the direction from the son-in-law to mother-in-law, the attitude is completely different which means the partial rivalry and repelling attraction. The daughter (from the mother-in-law side) and the fiancée/wife (from the son-in-law side) is completely out of these relations.

KEYWORDS: semantics, implicitness, mentality, proverbs, folk song, etymology

В связи с заявленной темой сразу же возникает банальный и самоочевидный в своем ответе вопрос – для чего люди женятся, а девки замуж идут. Последнее противоположение не случайно, поскольку это не то же самое. Женятся – для продолжения рода и чтобы женатым быть, из соображений хозяйственных, статусных и продуцирующих, и все это в одновременности¹. Замуж идут – чтобы

---

¹ С научной точки зрения и без различения мужского и женского, положение, прямо и косвенно связанное с представлением о браке, в применении к «жизнеобеспечению группы как социального организма», определяется в триединстве экономического, или хозяйственного, аспекта, генеалогического, предполагающего воспроизводство людского состава, и возрастного, или биологического, в основе которого лежит «изменение социального положения индивидуума или группы лиц по отношению к другим членам». «Все три условно обозначенных аспекта социального

быть замужем, а точнее **за мужем**, согласно пословице **За мужем как за (каменной) стеной, завалюсь за него, не боюсь ничего**. Или, иными словами, быть в защищенном, в том числе и общинном, общественном, для себя положении. Не будем, однако, входить в объясняющие подробности того и другого, женатого и замужнего состояния, поскольку в рассматриваемом случае речь идет не об этом². Мы говорим об отношении между тещей и зятем, но не равном с обеих сторон, а направленном (пользуясь грамматическими определителями) от субъекта и вместе с этим агента первой позиции к предикатно-объектному контрагенту второй. Иными словами, это такие были бы, коррелятивные, по идее и в основе своей, отношения, между которыми видится асимметрия и качающееся, флуктуационное равновесие, обуславливаемое и устанавливаемое сложившимися, позиционными, ментально-культурными установками. У каждой из этих позиций свое положение и роль по отношению к себе и по отношению к другому. Роль, которую определяет необходимость исполненности и достижения, поскольку, достигнув отмеченного с точки зрения социального ожидания возраста, как женское, так и мужское должно исполнить, чтобы быть адаптированным, а точнее, чтобы не быть отталкиваемым и отделяемым, то, что предписывается и полагается. В своем повороте для тещи и зятя, для тещи при зяте, это можно видеть в форме притягивающего отталкивания, с наблюдаемым акцентом на первом и с необходимостью достижения удовлетворяющего себя самого равновесия. Что касается зятя, то это отталкивание, как второе, будет ведущим, к равновесию не стремящимся, выглядящим как перетягивание в свою пользу и с нарушением равенства. Касается все это, как следует понимать, не личностных и индивидуальных, а традиционно сложившихся отношений, закрепленных не столько в ментальности и тем самым в сознании, сколько в характере импульсивных и поведенческих, эмотивных и сенсорных проявлений. Свое отражение это находит в текстах народной культуры³. Ставя задачу

организма родства неразрывно связаны; он возник, развивался и функционирует как бы в трех плоскостях одновременно». (Н.М. Гиренко, *Система терминов родства и система социальных категорий*, «Советская этнография» 1974, № 6, с. 46) Связывает автор это далее с тем, что «Вся система родства ... соответствует социальному организму, состоящему из основных ячеек с социальными связями, выражаемыми в терминах родства». (Там же, с. 48) Иначе говоря, то, что стоит за словами, определяющими ступени и виды родства, отражает существующие в данном обществе социальные связи, что следует понимать и в обратную сторону.

² На асимметрию того и другого указывает С.М. Толстая, поскольку для жениха, в отличие от невесты, «брак не связан с утратой своего рода или сменой рода, но означает всего лишь приобщение к еще одному роду». (Светлана М. Толстая, *Аксиология родства в свадебном фольклоре*, [в:] *Категория родства в языке и культуре*, Отв. ред. С.М. Толстая, Москва: Индрик 2009, с. 148). Из чего также следует и характеризуемое положение между тещей и зятем.

³ Понимать это можно и следует достаточно широко, поскольку, как отмечает Ирина Б. Качинская, «экстраполяция терминов родства в иные языковые, культурные и этнокультурные области является одной из важнейших языковых универсалий, хотя в своем конкретном воплощении в разных языках и в разных говорах может осуществляться по-разному». (И.Б. Качинская, *Термины*

характеризуемое положение объяснить, постараемся показать это не столько с разных возможных сторон, сколько к сводимому общему целому, единому целому в какой-то основе своей, которая, ведомо и неведомо, обнаруживает себя в тех и иных своих расположениях и аспектах, мотивирующим и расходящимся образом проступая и действуя в них.

Начнем с простого и очевидного, наблюдаемого в тексте известной народной песни, а потому закрепленного, бросающегося в глаза и не требующего, казалось бы, утяжеляющих рассуждений. Песни, первые три слова которой (трудно говорить о названии) послужили начальной частью заглавия данной статьи и которые, в отрыве от своего продолжения, можно и следует воспринимать как ведущее для предпринимаемого поиска положение. Что значит **теща про зятя** (без всего остального), в таком, безглагольном, своем управлении? Чем является и какой для него предстает, с учетом, что необходимо добавить, того, и это будет искомым, – чем является он и каким или кем предстает для нее? При этом, что не случайно и показательно, минуетея, опускается, не затрагиваясь и не упоминаясь, вроде бы важное и, казалось бы, очевидное как опосредующее, положение дочери тещи, а для зятя супруги-жены. Нет никакой ее промежуточной обозначенной роли.

В основе выбранной в роли ведущей и открывающей все остальное в анализе песни лежит (забегая вперед) идея необходимости угощения. Теща стремится, зная таковую обязывающую необходимость, зятя своего угостить. Как, для чего, почему – будет искомым ответом, но не в отношении диктуемых традиционными установлениями, а потому и известных, проявлений, а в отношении заявленной в нашем заглавии открытой семантики⁴.

родства и языковая картина мира. (По материалам архангельских говоров), Москва: Индрик 2018, с. 239). Посвящены этому работы целого ряда исследователей, назовем лишь некоторые из них, начиная с первой и основополагающей – П.А. Лавровский, *Коренное значение в названиях родства у славян*, Москва: Едиториал УРСС 2005 (по изд. 1867 г.), а также, к примеру, такие: А.И. Моисеев, *Термины родства в современном русском языке*, «Научные доклады высшей школы: Филологические науки» 1963, № 2, с. 120-132; Ю.И. Левин, *Об описании системы терминов родства*, «Советская этнография» 1970, № 4, с. 18-30. И из работ последнего времени: Г.В. Дзибель, *Феномен родства. Прологомены к иденетической теории*, Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН 2001; А.А. Бурыкин, *Какая реальность наблюдается исследователями при описании систем терминов родства*, [в:] *Алгебра Родства*, Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, вып. 5 (один из многих выпусков, посвященных данной теме), с. 63-75; Е.Ю. Кошелева, *Терминология родства в русском языке*, «Альманах современной науки и образования» 2009, № 2 (21), ч. 2, с. 73-74; О.Ю. Николенко, *Лингвистическое изучение феномена родства*, «Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива» 2012, № 3, с. 232-237; Н.В. Громова, *Термины родства в спектре наук: основные подходы к категоризации, дефиниции и семантике*, «Евразийский гуманитарный журнал» 2017, № 1, с. 36-40.

⁴ О скрытости, правда в другой связи, но не без отношения к исследуемому нами предмету, см. замечание, предполагающее описание систем родства, которое передавало бы «не только систему абстрактных родственных терминов, но и скрытую за ней структуру общественных отношений». (Н.А. Бутинов, *Проблема экзогамии*, [в:] *Труды Института этнографии АН СССР*, т. 14, 1951, с. 21; разрядка моя – П. Ч.)

Открывается песня (поскольку нельзя сказать, начинается), в одном из своих вариантов, такими словами: «Теща про зятя пирог пекла: Соли да муки на четыре рубли, Сахару с изюмом на восемь рублей; Стал же пирог о двенадцати рублей. Думала же теща: семерым пирог не съест, Зять пришел, у приседу пирог съел»⁵. Первое, на что следует обратить внимание, это на передаваемый числами трехкратный рост, с добавлением каждый раз четверки: $4 + 4 > 8 + 4 > 12$. При этом сахар с изюмом, с идеей обращенно-располагающей сладости, обходится в два раза дороже основы в виде соли с мукой. Отмечая это последовательно себя обнаруживающее нарастание, видим в итоге пантагрюэлевскую характеристику зятя – то, что не съест семерым, зять поедает в один присест (**у приседу**). Число семь в этом случае так же традиционно и не случайно, как и четыре до этого. Не будем, однако, вдаваться в их представление, отметив лишь то, что четыре, число земли и стабильности, в трехкратном, как продуцирующем, своем возрастании, через восемь (засеянного поля) к двенадцати полноты заверщенного цикла соотносимы с семеркой деятельно-акционального, для данного случая, исполнения. Зять предстает по внешнему виду, как ненасытная прорва, по внутреннему и укрытому смыслу – как тот, которого следует, в силу не мотивируемой в своей очевидности предназначенности, не накормить, а, изюмом с сахаром ублажив, поддержать в его семирично воспринимаемом деятельно-продуцирующем определении. В не убывающей, но, напротив, растущей и поощряемой (тещей) способности быть неизменно тем, кем ему положено быть. Роль **тещи про зятя**, тем самым, состоит в периодическом поддержании в нем продуктивной способности⁶.

Заложенный исходно креативно-продуцирующий в отношении зятя характер анализируемой песни обнаруживает себя и в других ее вариантах, в каком-то смысле еще более ярко, хотя, скорее, с другой стороны. Ср.:

Тёща про зятя пирог пекла,
Творила да вмесила три осьмины муки,
Соли да крупы на четыре рубли,
Масла да яиц на восемь рублей,
Окорок свиной да поросёнок годовой.
Этого пирожка семерым не снесть,
А хоть семеро подымут,
Так десятком не съесть.
А зятек сел, в присядку все съел⁷.

⁵ «Теща про зятя пирог пекла...» [в:] <http://www.folkmusic.ru/songsold.php?id=5475> (20.03.2022).

⁶ Важным в этой связи видится то, что Александр В. Исаченко в свое время определил как «гиноцентрический принцип» индоевропейской терминологии родства, понимая под этим то, что непосредственно предполагает за этим стоящую идею рождения. (А.В. Исаченко, *Индоевропейская и славянская терминология родства*, [в:] А.В. Isačenko, *Opera selecta*, München 1984, S. 62-97 (1-е изд. 1953), с. 78).

⁷ *Прибаутки. Теща про зятя пирог пекла. Сказка...*, [в:] <https://sites.google.com/site/russkieskazki/home/russkie/pribautki-tesa-pro-zata-pirog-pekla> (20.03.2022).

Творила да вмесила, с одной стороны (с идеей творения и формирующего, лепящего, созидания), и **три осьмины муки, на четыре рубли соли да крупы, на восемь рублей масла да яиц**, с другой. В этом замесе, в котором мучная основа и соль с крупой, со словом **крупный** ассоциирующейся при **соль (земли)** – и масло с яйцами, все это сдабривающие и поднимающие. Появляется также идея несения, точнее не несения, а его невозможности (**семерым не снести**), и подъема (**хоть подымут**) – к отмеченному в своем возрастании, в данном случае вертикальному, росту, которого **десятком** не охватить (**не съест**) – **А зятек сел, в присядку все съел. Сел – и съел**, не вставая, не поднимаясь и не отходя, в не ограничиваемой ничем такой вот своей способности.

Бессмысленно задаваться вопросом, зачем и по какой причине теща потчует своим пирогом столь ненасытного зятя. Не потому, что традиция этого требует, ибо это исходно, но потому что зять у нее таков.

Прежде чем пойти дальше в анализе той же песни, имеющей далеко не равновесное завершение с точки зрения **тещи про зятя**, приведем еще один вариант начала. Вариант этот не то чтобы более развернутый, но имеющий свое предварение и оживляющее сопровождение, из которых можно будет что-нибудь дополнительно вывести. Начинается с противопологающего, по сторонам реки, инициального разведения: **Ходили девушки по Волге по реке, Добрые молодчики другою стороной...** И следом тут же – активно себя объявляющая роль молодого добрачного женского через стимулирующее побуждение (к брачному сочетанию) такого же по своему положению мужского:

Сеяли девушки ярый хмель,
 Сеяли они, приговаривали:
 «Расти, хмель, по тычинке вверх!
 Без тебя, без хмелинушки, не водится,
 Добрые молодцы не женятся,
 Красные девушки замуж не идут...»⁸.

Ярый хмель, хмелинушка, без которого, по важному определению, **не водится**, в значении ‘не становится, не образуется, не получается, не происходит’, – который сеют (**сеяли**) девушки в своем хождении **по Волге по реке**, – он, т.е. **хмель**, да к тому же **ярый**, та созидающая, поднимающая и побуждающая основа (как закваска), без которой нет того необходимого желаемо-ожидаемого – **Добрые молодцы не женятся, Красные девушки замуж не идут**.

И тут же следом: **Вздумала Паранюшка – замуж пошла: Тёща про зятя пирог пекла**, с таким, в своем несколько ином развитии, вариантом:

Соли да муки – на четыре рубля,
 Масла, крупы – на целковый рубль,

⁸ *Прибаутки. Теща про зятя пирог пекла. Сказка...*, [в:] <http://rusfolklor.ru/archives/1083> (20.03.2022).

Сахару, изюму – на восемь рублей.
 Стал ей пирог в тринадцать рублей.
 Думала, гадала – семерым не съесть!
 Тёща зятюшку в гости звала.
 Тёща родного зятя потчевала:
 «Сядь-ко, зятюшка, покушай-ка!»
 Зять был смел, за присед пирог съел!»

Опуская мысль о контаминации, а может, что также не исключено, о не проявленном в своей очевидности параллелизме, тройственном в основе своей – женского добрачного, сеющего в своем хождении, мужского другой стороны и ярого хмеля в параллель к женскому созидающему и угощающему, в теще, с мужским приходящим в гости к этому женскому, в зяте, и поедающим при пироге (см. в приводимой далее схеме), – опуская данную организующую устройство характеристику, можно отметить, во-первых, число тринадцать (переход на следующий полный цикл после двенадцати, не случайно упоминается слово *целковый* рубль при масле с крупой), а во-вторых, то, что **Думала, гадала**, гадательный и загадывающий, обращенный к будущему компонент, то, что **в гости звала** (не самочинно зять к ней пришел, но по зову), то, что **родного зятя потчевала** с приглашением съесть, и, наконец, в-третьих, по форме смелость его (**Зять был смел**), а по скрытой сущности ничем не сдерживаемая и необъятная в своем потенциале и проявлении активность, к тому же в стремительной одномоментности (**за присед пирог съел**).

Вторая часть той же песни передает реакцию тещи на ничем не сдерживаемую прожорливость зятя, в связи с чем нельзя сказать, чтобы теща его такую способность, одобряя, приветствовала: «Теща по горенке похаживает, Скоса на зятюшку посматривает, Потихоньку зятюшку побранивает: „Как тебя, зятюшка, не розорвало?“». И в другом варианте: «Теща по полу похаживает, Скоса на зятя поглядывает: – Милый зять, не одуло ли тебя? – Ласкова теща, Не прибавишь ли ещё – Хоть сито блинов, Решето пирогов? – Что ж тебя, зятюшка, не розорвало?» Отвлекаясь от мысли о том, что теща, испеки огромный пирог, не могла ожидать, чтобы зять его съел за один присест, поскольку это было бы не адекватным по отношению к народно-традиционной песне, необходимо отметить, что песня совсем не о том. Появляются два существенных для рассматриваемого агентно-контрагентного взаимодействия мотива. Со стороны тещи один из них можно представить как испытательно-проверочный⁹, или экзаминатив-

⁹ С.М. Толстая отмечает активную роль «свекрови в славянском свадебном обряде при полной затушеванности роли свекра», что в той же мере относится и к определяемой нами теще по

ный¹⁰, а другой – как мотив выжидательно-настороженного, экспектативного¹¹, тягачевого, перетягивающего к себе и на себя соперничества, не личного, что важно подчеркнуть, характера. То и другое сопровождается эмотивно окрашенной основой отталкивающегося притягивания, передаваясь в формах осторожного незавершения – **похаживает, посматривает, побранивает, поглядывает, скоса** и контрастирующего (не)расположения, со скрытым пожеланием обратности заявленному – **зятюшка, милый зять / ласкова теща при не розорвало, не обдуло**.

В связи с представленным взаимодействием отталкивающегося притягивания заявленную его ‘неличность’, от тещи к зятю и обратно (это второе себя еще достаточно не отразило), видится необходимым представлять не с точки зрения общепризнанно-известных соотношений двух вступающих в соединение при браке родов – мужского продуцирующего мужа-зятя и женского включенного в родовое мужнино жены, при соучастии как старшего и направляющего от тещи. Стоит за этим нечто другое. Позволяет, если не увидеть, то почувствовать это другое дальнейшее развитие в определяемом тексте. После слов тещи «Как тебя, зятюшка, не розорвало?» зять дает такой не соответствующий вопросной реплике и сопровождаемый своими числами ответ: – «Молчи же ты, теща, припомню тебе: Созову я тещеньку в гости к себе, В гости к себе, в четверток о маслянице; Молчи же ты, тещенька, – употчиваю В четыре дубины березовые, В пятый кнут, по заказу свит!» И такой, более близкий к вопросному пожеланию тещи, в еще одном варианте: «Лучше бы ты, теща, не потчевала! / Я ж тебе, теща, честь воздам: / Позову я в гости на масленицу, / Я ж тебя, теща, попотчую / В четыре дубины берёзовые, / Пятый кнут по заказу свит!»

Потчевание и ответное, в силу ритуализированной необходимости, потчевание – чему может то и другое служить?¹² Симметрично ответное потчевание или

сравнению с никак особым образом не проявленным тестем. (С.М. Толстая, *Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия)*, [в:] *Категория родства...*, с. 8). Сюда же допустимым видится относить, имея в виду отражение в отношении исследуемого предмета, то, что систему родства, по Альфреду Р. Рэдклифф-Брауну и Дарью Форду, фактически можно считать системой типов поведения, по крайней мере скрытых за этой системой. (A.R. Radcliffe-Brown, D. Forde, *African Systems of Kinship and Marriage*, London – New York – Toronto: Oxford University Press, 1950, p. 13, переизд. 1987, 2015)

¹⁰ Лат. *exāmīno, āvi, ātum, āre* [examen] ‘(точно) взвешивать, отвешивать’; ‘уравновешивать’: *paribus ponderibus examinatus* находящийся в состоянии равновесия; ‘(тщательно) исследовать, испытывать’.

¹¹ Лат. *exspecto, āvi, ātum, āre* ‘ждать, ожидать, выжидать’; ‘надеяться’; ‘опасаться’.

¹² Обозначим происходящее в следующих цитатах: «Противостояние двух родов осмысляется в свадебном обряде как оппозиция свой – чужой, в которой маркировано чужое. В процессе установления новых родственных отношений происходит освоение чужого и превращение его в свое. Смысл преобразования отношений передается также посредством оппозиции старый – новый. ... Семантика своего и чужого, резко противопоставленная в начале обряда, меняется с учетом позиции субъекта, причем чужое представляется в основном незнакомым,

не симметрично, но не в представленном, а в исходно задуманном виде? Стоит за этим, как можно предполагать, взаимно усваивающий, проявляемый в угощении, межродовой обмен. Со стороны, в первую очередь, тещи. Со стороны угощения зятем эта ответственность выглядит как обмен вытеснения – женского родового и не своего. Угощение тещи следует в сопровождаемом его смысловом послые нейтрализовать. Не должно быть в зяте того, что перевешивает в нем свое от тещи. Рассуждая в подобном ключе, теща зятя "прикармливает", но не просто, а с разрывающим, выталкивающим другое в нем увеличением (пирог такой, что семерым, десятерым не съесть). Зять, ответно, по внешнему виду в гневе и неприязни, не отвергая такого тещина потчевания, поскольку **не розорвало и не одуло** оно его (и не могло), потчует тещу, зовя ее в гости на масленицу в четверток «В четыре дубины березовыя, / В пятый кнут, по заказу свит!» Он проявляет тем самым, во-первых, силу мужского активного продуцирующего (коль скоро звала к испытанию в угощении с пирогом, то и ответ), а во-вторых, не симметрией ее пирога и своих четырех дубин березовых с пятым кнутом, что **по заказу свит**, подобного рода действием вытесняет то родовое женское, что исходит от тещи.

Этим, однако же, не кончается. Теща уходит, вырываясь, от зятя: «Рвалась, рвалась теща, насили и вырвалась; / Бежала, бежала, насили ушла. / До ворот дошла, оглянулася; / В нову горницу вошла, о пол ударилася». Не простое теща, с учетом не только последнего положения, существо, но оборачивающееся, – о пол ударяются, в текстах народной традиции, преображаясь, принимая какой-то иной либо исходный облик. Об этом же, казалось бы в смысловом отношении неожиданное, то, что «В нову горницу вошла». Не потому в **нову**, что недавно отстроенную, а потому, что речь идет о «новизне» в отношении тещина облика¹³. То же стоит и за тем, что **рвалась, рвалась, насили и вырвалась, бежала, бежала, насили ушла**, а дойдя до ворот, – **оглянулася**. Не о ведьме, вместе с тем, в обозначенных признаках, свойственных ведьме и столкновению с ней, следует говорить, но о чем-то другом, том другом, которое не столько противоположно, сколько обратно и оборотно для зятя. Теща в данном случае выступает той заряженной, но не уничтожением, а испытанием, силой, в отношении зятя обратного, которое он должен в проверочно-испытательном смысле, изгнав,

---

неизвестным» (А.В. Гура, *Механизмы создания новых родственных отношений в свадебном обряде*, [в:] *Категория родства...*, с. 116, разрядка моя – П. Ч.). «Установление новых семейно-родственных отношений происходило далее во время взаимных визитов в конце свадьбы и в последующие календарные праздники. В Рязанской губ. родственники невесты, посещавшие молодых на второй день свадьбы, именовались новыми гостями» (Там же, с. 123). Из чего получается: 1) то, что развитие отношений в сторону освоения происходит этапно, и 2) то, что 'чужое – свое' соотносится с представлением о 'незнакомом, незнаемом' и постепенно осваиваемым, соотносаясь с представлением, но обратным, 'старого – нового', нового как первоначально чужого, переходящего в ритуальном обмене в 'свое'.

¹³ См. также 'новое' к 'старому' из предыдущего примечания, но в ином на сей раз повороте.

оттолкнув и преследовав, для себя одолеть. Поскольку и это еще не конец. Ударившись о пол и тем самым преобразившись, исходный свой вид и облик приняв, обращается теща к детям своим (сыновьям): «Смотрите, ребяташки, не зять ли идет?» – / «Матушка, матушка, зять у ворот, / Зять у ворот, на похмелье зовет!» – «Скажите, ребята: со вчерашняго пьяна; / С пива и вина болит спина, / Голова с заказнаго кнута; Теперь вся больна!».

Появляется не только преследующий до самого дома, вытесняющий в себе тем самым тещино, зять (с обращением в доме к тещину родовому, также в мужском в ребяташках-сыновьях), но и мотив похмелья, того, что **со вчерашняго пьяна** и **Теперь вся больна** – нарушенной целостности силы витального своего родового, сопровождаемой и вызываемой смещающим исходное состояние опьянением и **заказным кнутом**.

Еще один вариант того же тещина завершения содержит по внешнему виду, казалось бы, не вполне адекватное указание. После зятьева потчевания: **Рвалась, рвалась – насилу вырвалася** (первый этап), **Бежала, бежала – насилу ушла!** (этап второй) **Прибежала тѣща к своему двору** (этап третий), **У ворот тѣща грохнулася** (четвертый): «Экой вор да ведь зять-то мой! Бежала, бежала – насилу ушла!» Зять для тещи – **вор**, не в современном значении этого слова, но как обманщик, лжец, самозванец, оборотень, не с нравственной позиции так представляемый, а по своему, для нее «оборотному», существу, что обнаруживается и заявляется тещей после четвертого на пятом этапе (в параллель с четырьмя дубинами березовыми и пятым заказным кнутом).

Отвлечемся теперь от рассмотренной песни, обратившись к этимологии и паремиологии в поисках не всегда объявляемого скрытого смысла. Начнем с того, что заявлено первым. Павел Я. Черных в своем словаре дает исходно такие значения для слова *зять*: „муж дочери”; „муж сестры”; „муж золовки”¹⁴. То же и у Измаила И. Срезневского¹⁵ и в *Словаре древнерусского языка*¹⁶, кроме мужа золовки, с добавлением значения ‘жених’. Породнившийся, иными словами, вследствие брака, или ‘свой, который не свой’, из чего будет следовать его двойственность. Выводится *зять* как слово от «О.-с. [общеславянского] *zęť (*< *g'enętis*) – «познанный, узнанный, ставший членом семьи вследствие брака». И.-е. [индоевропейский] корень *g'en- : *g'enę- (: *g'nę) – «рождать», «производить на свет». ... Знач. «зять» развилось из представления о зяте как продолжателе рода»¹⁷. Подобную этимологию находим также у Макса Фасмера

¹⁴ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, в 2 т., 3-е изд., стереотип., Москва: Русский язык 1999, т. 1, с. 332.

¹⁵ И.И. Срезневский, *Материалы для Словаря древнерусского языка*, Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958 (по изд. 1893 г.), Т. 1, стлб. 1016.

¹⁶ *Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.)*. Гл. ред. Р.И. Аванесов, Москва: Русский язык, Т. 3, 1990, с. 436.

¹⁷ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь...*, т. 1, с. 332.

«с первонач. знач. «знакомый» – к *знать* ... Другие связывают *zětъ* с к. [корнем] **ġen-* «рождать» ... (со знач. «сородич» или «родитель»»)¹⁸.

Проведенное Олегом Н. Трубачевым подробное сопоставление различных подходов и объяснений данного слова не противоречит в целом тому, что представлено у М. Фасмера и П.Я. Черных, позволив ему вместе с тем прийти к выводу, что

предполагаемое значение *zětъ* следует конкретизировать: не вообще 'родственник', а 'кровнородственный', 'единокровный', 'родной', т.е. зять и некоторые другие родственники по браку обозначались как родные, родственники по крови. ... Этот пример показывает, насколько регулярно проявлялось обыкновение приравнивать свойственное родство к кровному¹⁹.

Ср. в одном из вариантов рассмотренной песни в этой связи: **Тёща зятюшку в гости звала, Тёща родного зятя потчевала** (в описании, но не в ее обращении к нему, где появляется **милый** и располагающее внешне и вместе с тем отталкивающее, поскольку ироническое, **зятюшка**).

Итак, выходит, на основании приведенных этимологий, во-первых, то, что **зять** есть 'познанный' и 'узнанный' (в славянском представлении), а во-вторых, с учетом индоевропейских, как более ранних и первоначальных, связей, 'рождающий', 'производитель', 'продолжатель рода'. Можно было бы задать в связи с последним положением не исторический вопрос – чьего и какого рода продолжатель? Не исторический в силу того, что в общеиндоевропейскую эпоху зять фигурировал, с учетом древних отношений, как продолжатель рода женской части, и, тем самым, рода тещина, а не своего, и поэтому, как следствие, к тому же, но, однако, далее и позже, как 'познанный' и 'узнанный'. Как 'познанный' и 'узнанный', но не 'рождающий' для родового женского, с позиции того, что он муж дочери или сестры (перекладывая все это на современный язык).

Что касается происхождения **тещи**, здесь также можно отметить двойственность этимологий, однако, в отличие от **зятя**, двойственность эта имеет характер не временного среза, но расхождения в толковании. Обратимся, с тем чтобы не разбегаться и не входить в излишние уточнения, к тем же источникам. Первое, что вполне объяснимо и дополнительных рассмотрений не требует, это то, что **теща** «мать жены по отношению к зятю, т.е. мужу её дочери»²⁰, и здесь

¹⁸ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, в 4 т., Москва: Прогресс 1986, т. 2, с. 112.

¹⁹ О.Н. Трубачев, *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного стро.* Изд. 3-е, Москва: КомКнига 2009, с. 131.

²⁰ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь...*, т. 2, с. 242. Можно не соглашаться с подобной трактовкой происхождения слова, так же как и с тем, что дается у М. Фасмера (см. далее), однако не в оценке их, тем более так и не выясненных, по словам этимологов, состояла наша задача.

дается одно значение, не два и не три, общеслав. *tʹstja, как производное от также общеслав. *tʹstь, или **тесть**, «отец жены по отношению к ее мужу»²¹. Таким образом, получается, что до индоевропейских истоков с этим значением корня мы не доходим. Небезынтересно, что, по свидетельству П.Я. Черных, «В словарях русского языка **теща** – с 1704 г.»²², в то время как «Др.-рус. (с XI в.) и ст.-сл. **тѣсть**, род. **тѣсти** (> **цти**) и **тѣтя** (> **цтя**). Примеры – у Срезневского (III, 1089-1090)»²³. «В этимологическом отношении», – отмечается далее, – «трудное слово. Возможно, что это слово относится к группе терминов родства, восходящих по корню к и.-е. [индоевропейскому] *tat- : *tet- : *tit- (см. *тятя*, *тѣтя*)»²⁴, а те, в свою очередь, «к группе двусложных слов детской речи с повторением (полным или частичным) первого слога»²⁵, как **папа**, **мама**, **дядя** и др. М. Фасмер для тещи дает подобное объяснение, выводя его от слова **тесть** и также связывая со словом **тѣтя**. «В этом слове (**тесть**) обычно видят ласкательный²⁶ оттенок, связывая его частично с **тѣтя** ... частично с греч. *τέττα* «батюшка, отец»²⁷, определяя то и другое (при **тата**) как слова детской речи»²⁸.

Другим объяснением было бы то, что находим у О.Н. Трубачева, по замечанию которого «Этимология слав. *tbstь* не может считаться выясненной окончательно»²⁹. И вместе с этим «Более или менее интересное сопоставление предлагал, однако, еще Петр А. Лавровский³⁰: к греч. *τίκτω*, *τέκω* ‘рождать’, т.е. *tbstь* = ‘родитель [жены]’»³¹. Как отмечается далее, «То, что зять называл родителей (родителей) жены своими родителями (*tbstь, собир. родившие, своего рода эпитет), находит свое оправдание в древнем обыкновении – приравнивать собственное родство к кровному»³². Ряд других этимологий этого слова О.Н. Трубачев приводит как гипотетические и маловероятные.

Оттолкнувшись от предположения, в чем не видится противоречия, о том, что как в слове *зять*, так и в производном от **тестя** слове **теща** обнаруживают себя следы древних «рождающих»³³ отношений, от зятя к тому, что себя полагает как

²¹ Там же, с. 241.

²² Там же, с. 243.

²³ Там же, с. 241.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, с. 242.

²⁶ Ср. не случайное в этой связи *ласкова теща* при *милий зять* в рассмотренной песне.

²⁷ М. Фасмер, *Этимологический словарь...*, т. 4, с. 52.

²⁸ Там же, с. 26.

²⁹ О.Н. Трубачев, *История славянских терминов родства...*, с. 125.

³⁰ П.А. Лавровский, *Коренное значение...*, с. 66-67.

³¹ О.Н. Трубачев, *История славянских терминов родства...*, с. 125.

³² Там же, с. 126.

³³ Ср. уместное замечание в данной связи: «В языке и народной культуре родство, трактуемое в связи с ключевыми понятиями жизненной силы, роста, воспроизводства (ср. *родить*, *рожать*, *урожай*), относится к высшим ценностям и охраняется системой предписаний и запретов» (С.М. Толстая, *Категория родства...*, с. 15-16; разрядка моя – П. Ч.)

продолжение («Знач. «зять» развилось из представления о зяте как продолжателе рода»³⁴), от тещи – к тому, что ‘родитель(ница)’, и не только для супруги-жены, если исходно, но и для зятя, который ‘знакомый’, ‘познанный’, а также, ‘ставший своим’ и, тем самым, ‘кровный’, ‘родной’, – оттолкнувшись от этого, можно увидеть два получаемых следствия. Во-первых, с позиции генератива, ступенчатость: от зятя идет к продолжению (рождений и рода), от тещи – к тому, что ему таковому предшествует. Зять, таким образом, рождающий или тот, который будет рождать, от которого этого следует ожидать, теща – уже родившая, в том числе и по отношению к зятю. И, во-вторых, то, что себя проявляет как более позднее в ‘познанный’. Поскольку ‘познанный’, то привходящий и, следовательно, не полностью свой и родственный, скорее, осваиваемый, адаптируемый, чем свой. В том и другом видна его, в том числе и с учетом ступенчатости, промежуточность: зять, с позиции родового тещи, что важно заметить, – включаемый в свое родовое посредник между тем, что имеется как свое родовое, и тем, что будет или уже обнаруживает себя при посредстве его таковым. И отсюда, в известном смысле, его медиативно-инструментальная роль.

Указанная внутренне скрытая двойственность проявляет себя, и при этом не симметрично по-разному, в две стороны – от тещи к зятю, точнее от семейного и родового тещи к нему, и в обратную сторону, от зятя к ней. К ней, а через нее к ее семейному и родовому. Находит это свое отражение, как было отмечено перед этим, в пословицах и поговорках, амбивалентный характер которых, с перекосом в ту либо другую сторону, достаточно очевиден. Попробуем сгруппировать этот многослойно-неоднозначный материал, обращаясь не столько к его, а точнее проявляемой в его единицах, семантике, сколько к тому, что из них можно вывести в анализируемом нами ключе, не забывая при этом о том, что было выведено и следовало как из анализа приведенной песни, так и на основе представленных этимологий.

Прежде чем перейти к обозначенному представлению выбранного пословичного материала, хотелось бы обратить внимание на две задающие общий тон единицы, с позиции зятя и с позиции женина родового, т.е. тестя, тещи (и шурина). Первая – это **Был у тещи, рад утекши**. И близкая к ней **Вкусен тещин обед, да отрыжка долго держится**. Стоит за той и другой представлением о необходимой близости, близости по необходимости, если точнее, предполагающей исполнение полагаемой роли при неприятии, вплоть до физиологической неуправляемо-отвращающей реакции. Или, как это ранее определялось, отталкивающееся, сопротивляющееся, не принимающее притягивание. И вторая, отмечающая эмотивно заряженные позиционные и социальные роли: **Зять любит взять, тесть любит честь, теща любит дать, а шурина глаза щурит**. Минуя немаловажность рифмующей стороны, стоит отметить взаимность противоположения, выражаемого в конверсивных³⁵

³⁴ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь...*, т. 1, с. 332.

³⁵ Понятие конверсивности, введенное Джоном Лайонзом (Дж. Лайонз, *Введение в теоретическую лингвистику*, Москва: Прогресс, 1978), выделявшего три вида противоположности

антонимах **взять** – **дать** при зяте с тещей, что можно понимать как узко, так и широко, а также настороженно-выжидательное и лишённое доверия отношение (к зятю) со стороны шурина, в контексте упоминавшегося ранее для семейного родового (шурина) с позицией зятя в нем как в ‘своем несвое’.

Обращаясь теперь непосредственно к корреляции 'теща – зять' (с заявленным отношением **теща про зятя**), можно выделить, в первую очередь, то, что себя проявляет как ‘угощающее гостевание’. Зять у тещи гостит, приходит к ней в гости, теща должна его соответствующим образом, как положено, угостить. И здесь отмечается следующее:

- открытость в любое время с готовностью принять, накормив (апертивность): **У тещи-света для зятя (всегда) приспето. Зять на двор – пирог на стол. Зять на дворе, пирог на столе. Зять на порог – теща за яйца. Для зятя и дверь пола (настежь). Пожалуйста, зятек, съешь пирожок! Тёща зятю голову маслит** (свадебный обычай, когда молодые едут к теще на яичницу). **Тёща ласкова, печёт блины маслены. Тёща про зятя все масляно стряпат. Тёщины блины сладки. У тещи для зятя и сиг на столе. У тещи-свата все для зятя припасено. У хорошей тещи зять не будет тощим! Придет зять, где сметанки взять? Пирог будет хрустящим, а парень (зять) – говорящим**³⁶.

значений в системе языка: антонимию, дополнительность и конверсивность (о конверсивности см. раздел 10.4.5. указ. соч.), – получило свое не случайное отражение в ряде работ, посвященных описанию терминов родства: А.И. Моисеев, *Термины родства и свойства как конверсивы (на материале русского языка)*, [в:] *Лексико-семантические группы современного русского языка*. Сборник науч. трудов. Под ред. Ю.В. Фоменко, Новосибирск: Новосибирский государственный университет 1985, с. 3-14; И.И. Минчук, *Конверсивы с предикатами родства в текстах СМИ*, [в:] *Речевая коммуникация в средствах массовой информации*: Материалы II Международного научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 17-19 апреля 2013 г.), Санкт-Петербург 2013, с. 64-67. По замечанию Ирины Е. Ивановой, «лексемы с семантикой родства в русском языке можно обозначить как иденонимические конверсивы, т.е. конверсивы, обладающие семантикой физического родства (или свойства), выражающие бинарные отношения взаимнообратности...» (И.Е. Иванова, *Деривационный потенциал иденонимических конверсивов*, «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» 2015, № 8 (51), с. 56).

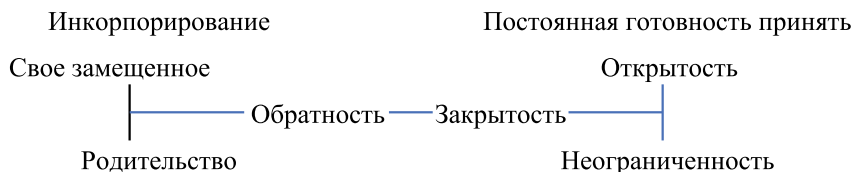
³⁶ За отсутствием места мы не будем рассматривать возможные и не случайные смыслы, а также связи и отношения в анализируемой паре (**тещи про зятя**), находящие свое отражение в приводимых пословицах, весьма показательные и интересные, однако требующие основательного погружения в предмет. Приводим поэтому их лишь для иллюстрации, без рассмотрения также возможных и значимых вариантов. Материал пословиц был взят из источников: *Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах*, Москва: Художественная литература 1984 (Семья – Родня, т. 1, с. 302-307); В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т., Москва: Русский язык 2000 (по изд. 1955 со 2-го изд. 1880-1882), т. 1, с. 699, т. 4, с. 405; В.И. Зимин, *Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*, Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012, с. 314; а также с немалочисленных сайтов, таких, как <https://pogovorka.ru/pro-teshhyu/>;

[https://kartaslov.ru/книги/Н_В_Уваров_Тёща_моя_И_в_шутку_и_всерьез/1](https://kartaslov.ru/книги/Н_В_Уваров_Тёща_моя_И_в_шутку_и_всерьез/1;);

- Открытость, распространяющаяся также на брата зятя (расширение того же уровня, амплификативная апертивность): **Зять да сват у тещи первые гости. Зятнин брат теще сват.** Чем тот охотно пользуется (неостанавливающаяся готовность развития-продолжения с его стороны, континуативная апертивность): **Зятек едет – на похмелье зовет.**
- Неисчерпаемость и немерянность, неограниченность (инфинитность): **У тещи про зятя и ступа доит. Думала теща пятерым не съесть; а зять-то сел, да за присест и съел. На зятьев не напасешься, что на яму. Наливай на гушу, зять будет. Нынче зять подмаз съел, а завтра и всю сковороду. У наших зятей много затей.**
- Несимметричность и односторонность, закрытость, со стороны зятя, его инклюзивность: **Зять, с которого нечего взять. Ни в сыворотке сметаны, ни в зяте племени.** В этом случае теща определяется как ее родовое семейное, в составе других представителей: тестя, шурина, своих дочерей и т.п.
- Родительские или близкородительские отношения, отчасти также и с замещением сына, (субститутивная) филиативность: **У хорошей тещи зятек – самый любимый сынок. Зять мил по дочери, а сын постыл по невестке. Дочь – дитя роженое, зять – суженое. Зять по дочке помилует, а сын по невестке опостылеет.**
- Родовое и внутрисемейное, ‘свое замещенное’, аффинитивность: **Зять чуж-чуженин, а стал семьянин. Сынок – свой горбок, зятёк – покупной щеголёк, теща хлопочет – тесть кропочет** (хлопочет, заботится, суетится, ворчит, бранится, сердится).
- Возможный нелад и соперничество с равным по позиции и/или возрасту в роде-семье своим, через связь и обращение к потустороннему, обратному, вредоносному, адверсативность: **Зять да шурин, черт их судит. Не для зятя-собаки, для милого дитяти. Не зять бы был, не чертом (не собакой) бы слыл.**
- Вытеснение с его появлением в доме со стороны вредоносного потустороннего, экстурбативность: **Бери зятя в дом, носи Бога вон! Зять в дом – и иконы вон! Нет черта в доме – прими зятя. Прими зятя в дом, а сама убирайся вон! С сыном бранись – за печку гребись, с зятем бранись – вон торопись. С сыном бранись, на печку ложись, с зятем бранись, за скобу держись.**

В представленном распределении выделяются объединяемые тройками, соотносимые в виде пары признаки (подобно тому, как это себя проявило в рассмотренной ранее песне, см. в приведенной для этого схеме), объединяемые

в отношениях ‘входящего, подключающегося’, со стороны зятя, в тещино родовое-семейное, и ‘вбирающего, втягивающего односторонне в себя’. Зять проявляет себя, с одной стороны, как тот, который становится подключающимся и подключаемым (инкорпорируемым) в свое родовое, с возможным при этом также и вытесняющим, с его стороны, замещением (субститутивный экстурбатив), а с другой, как тот, кого следует в любое время принять, угостить, накормить (константный адмиссив), с представлением о возможной неограниченности, инфинитности, его потребляющего, вбирающего в себя, концептивного отношения:

Из показанной схемы соотношений можно вывести то укрытое позиционное положение зятя по отношению к теще и тещину родовому, которое сводилось бы к представлению об ‘обратном’ и при этом ‘своем’, об ‘обратном в своем’ амбивалентному в своем основании, что предполагает ранее упомянутое притягивающее (и притягивающееся) отталкивание. Не случайными в этом смысле видятся появляющиеся в пословицах, и не только в пословицах, передающие скрытое отношение с помощью традиционно определяемых значений в словах, – **пирог, яйца, ступа, масло, масляно, маслить, блины, сладкий**, а также **двор, стол, порог, дверь**, представления об указанной перед этим ‘готовности’ и ‘открытости’, с одной стороны, и ‘защищающейся’, ‘выдвигаемой в качестве ограждающего (перед зятем, тем, что чужое в нем) и заслоняющегося щитом замещения’ при их посредстве, с другой. Подробное рассмотрение заключенных в этих словах смысловых единиц в контексте упомянутых соотношений составляет, однако, отдельную и обстоятельную задачу.

Не менее интересным и показательным видится симметрично-несимметричное отношение в направлении от зятя к теще, однако и это придется оставить в силу ограниченности объема статьи. В качестве иллюстрации этой «навстречу идущей обратности» представим то, что находит свое отражение в пословицах в сопоставлении соотносимого и несоотносимого, без возможного распределяющего описания того и другого:

- (1) Соотносимое, в параллель к тому, что было выделено в части ‘теща про зятя’, но не обязательно симметричное (некоторые, наиболее показательные примеры): **Муж любит жену богатую, а тещу тороватую. Наливай-ка, тёща, щей, я привел товарищей. Не жалея тёщина добра – колупай шилом масло со дна, а пресное молоко спичкой хлебай. Отложи, тёща, блины до другого дни! Хоть плавом плыть, а у тёщи быть. Голод не тетка (не теща, не кума), пирожка не подсунет. Ехать на блинки** (первое посещение молодыми

тещи). Был у тещи, рад утечки. Как у тещи зять в гостях – за семь верст заезжают; как у свояка свояк в гостях – за семь верст объезжают. Один дуб – это дуб, сто дубов – это роща. Один чёрт – это чёрт, сто чертей – это тёща. У тёщи карманы тощи. Ах, тёща моя, хуже лихорадки. Бог создал небо, реку и рощу, а черт – зять, свекровь и тёщу. Брат сестру любит богатую, а тёщу – тороватую. Выпивши пиво, да тестя в рыло; а поевши пироги, тёщу в кулаки. Зять задурит – половина дома горит, тёща задурит – весь дом горит. Родимая сторона – мать, чужая – тёща (также мачеха, отсюда подобие-равенство той и другой). Сестра для совета, тёща для привета. Тёщу в дом — чёрта в дом. У тёщи Пелагеи все новые (свои) затеи.

- (2) Не соотносимое, то, что не нашло своего отражения в 'теще про зятя' (также только некоторые примеры): Муж с женой, что вода с мукой, а тёща – гонит дрожжи. Не зять бы был, кабы на сырной тёщу не навестил (перед Великим постом). Зять говорит с тёщей до вечера, а послушать нечего. Беря в жены дочь, смотри на мать. Жена для совета, тёща для привета, а нет милей матушки моей. Заварила тёща чай и сказала: в добрый час! Зять тянет в одну сторону, тёща в другую. Какова тёща Маланья – таково и поминанье. Лучше раздражить тёщу, чем собаку. Не жени для тёщи, не выдавай для свёкра. Не жени сына на тёще, не отдавай дочери за свекра (не давай им воли). Не кланяюсь тёще Варваре, свое есть в кармане. От тёщи не спрячешься в роще. Помилуй, Господи, тёщу и жену, а сам-то я и как-нибудь проживу. Смолоду меня тёща зятем звала, взростя дочь, за другого отдала. Сыта тёща, коли гущи не ест. Тёща в дом, всё вверх дном. Тёще дорога от печи до порога. Тёща пышна, а против зятя не вышла. Узнают тещеньку по привету, а зятька по совету.

References

- Burykin A.A., *Kakaya real'nost' nablyudayetsya issledovatelyami pri opisanii sistem terminov rodstva*, [v:] *Algebra Rodstva*, Sankt-Peterburg: Muzei antropologii i etnografii (Kunstkamera) RAN, вып. 5.
- Butinov N.A., *Problema ekzogamii (po avstraliyskim materialam)*, [v:] *Rodovoye obshchestvo. Etnograficheskiye materialy i issledovaniya. Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Novaya seriya*. Otv. red. S.P. Tolstov, Moskva: Izd-vo AN SSSR 1951. T. 14.
- Chernykh P.Ya., *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. V 2 t., 3-e izd., stereotip., Moskva: Russkiy yazyk 1999.
- Dal' V.I., *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. V 4 t., Moskva: Russkiy yazyk 2000 (po izd. 1955 so 2-go izd. 1880-1882).
- Dzibel' G.V., *Fenomen rodstva. Prolegomeny k ideneticheskoy teorii*, Sankt-Peterburg: Muzei antropologii i etnografii (Kunstkamera) RAN 2001.
- Fasmer M., *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. V 4 t., Moskva: Progress 1986.
- Girenko N.M., *Sistema terminov rodstva i sistema sotsial'nykh kategoriy*, «Sovetskaya etnografiya», 1974, № 6.
- Gromova N.V., *Terminy rodstva v spektre nauk: osnovnyye podkhody k kategorizatsii, defintsii i semantike*, «Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal» 2017, № 1.

- Gura A.V., *Mekhanizmy sozdaniya novykh rodstvennykh otnosheniy v svadebnom obryade*, [v:] *Kategoriya rodstva v yazyke i kul'ture*, Otv. red. S.M. Tolstaya, Moskva: Indrik, 2009.
- Isachenko A.V., *Indoyevropeyskaya i slavyanskaya terminologiya rodstva*, [v:] A.V. Isačenko, *Opera selecta*, München, 1984. (1-e izd. 1953).
- Ivanova I.E., *Derivatsionnyy potentsial idenonimicheskikh konversivov*, «V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii» 2015, № 8 (51).
- Kachinskaya I.B., *Terminy rodstva i yazykovaya kartina mira. (Po materialam arkhangel'skikh govorov)*, Moskva: Indrik 2018.
- Kosheleva E.Yu., *Terminologiya rodstva v russkom yazyke*, «Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya» 2009, № 2 (21), ch. 2.
- Lavrovskiy P.A., *Korennoye znachenije v nazvaniyakh rodstva u slavyan*, Moskva: Editorial URSS, 2005 (po izd. 1867 g.).
- Lyons J., *Vvedeniye v teoreticheskuyu lingvistiku*, Moskva: Progress 1978.
- Levin Yu.I., *Ob opisaniy sistemy terminov rodstva*, «Sovetskaya etnografiya» 1970, № 4.
- Minchuk I.I., *Konversivny s predikatami rodstva v tekstakh SMI*, [v:] *Rechevaya kommunikatsiya v sredstvakh massovoy informatsii: Materialy II Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara (Sankt-Peterburg, 17-19 aprelya 2013 g.)*, Sankt-Peterburg 2013.
- Moiseyev A.I., *Terminy rodstva i svoystva kak konversivny (na materiale russkogo yazyka)*, [v:] *Leksiko-semanticheskiye gruppy sovremennogo russkogo yazyka. Sbornik nauch. trudov*. Pod red. Yu.V. Fomenko, Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet 1985.
- Moiseyev A.I., *Terminy rodstva v sovremennom russkom yazyke*, «Nauchnyye doklady vyshey shkoly: Filologicheskiye nauki» 1963, № 2.
- Nikolenko O.Yu., *Lingvisticheskoye izucheniye fenomenov rodstva*, «Ural'skiy filologicheskij vestnik. Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa» 2012, № 3.
- Poslovitsy russkogo naroda. Sbornik V. Dalya v dvukh tomakh*, Moskva: Khudozhestvennaya literatura 1984.
- Radcliffe-Brown A.R., Forde D., *African Systems of Kinship and Marriage*, London – New York – Toronto: Oxford University Press, 1950 (1987, 2015).
- Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI-XIV vv.)*. Gl. red. R.I. Avanesov, Moskva: Russkiy yazyk, t. 3, 1990.
- Sreznevskiy I.I., *Materialy dlya Slovarya drevnerusskogo yazyka*. V 3 t., Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey 1958 (po izd. 1893 g.).
- Tolstaya S.M., *Aksiologiya rodstva v svadebnom fol'klore*, [v:] *Kategoriya rodstva v yazyke i kul'ture*. Otv. red. S.M. Tolstaya, Moskva: Indrik 2009.
- Tolstaya S.M., *Kategoriya rodstva v etnolingvisticheskoy perspektive (vmesto predisloviya)*, [v:] *Kategoriya rodstva v yazyke i kul'ture*. Otv. red. S.M. Tolstaya, Moskva: Indrik 2009, c. 7-22.
- Trubachev O.N., *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneyshikh terminov obshchestvennogo stroya*. Izd. 3-e, Moskva: KomKniga 2009.
- Zimin V.I., *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy*, Moskva: AST-PRESS KNIGA 2012.

NOTA O AUTORZE

Piotr Czerwiński – prof. zw. dr hab., Uniwersytet Śląski w Katowicach, Instytut Językoznawstwa. **Najważniejsze publikacje:** *Семантический язык фольклорной традиции*, Ростов-на-Дону 1989; *Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические основы этносемантики*, Тернополь 2010; *Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц*, Томск 2011; *Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные*, Katowice 2012; *Язык советской действительности. Семантика позитива в обозначении лиц*, Saarbrücken 2012; *Патетизмы советского официоза в аспекте модулятивной семантики*, Saarbrücken 2014; *Формы и виды бега русской ментальной действительности*, Тернополь 2014; *Русский речевой узус*, Тернополь 2018; *Семантика многолюдства русского языкового сознания*, Тернополь 2019; *Знак и значение. Семантика предсказаний в знаменях, поверьях и приметах*, Katowice 2020; *Зазеркалье. Предметный мир примет и поверий. (Свадебный цикл)*, Katowice 2020.

ORCID: 0000-0001-6575-5736

Email: czerwinski.piotr@gmail.com